

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. Рябов

Власть и общество в посткоммунистической России

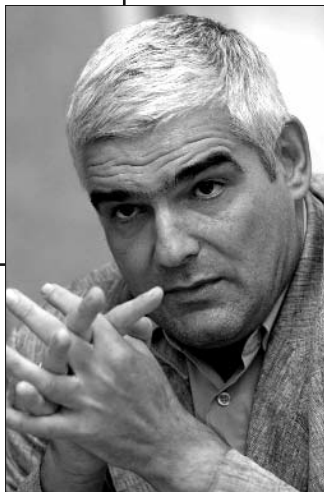
Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Ryabov_51.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

*Андрей Рябов,
член научного совета
Московского центра Карнеги*

Власть и общество в посткоммунистической России

В анализе эволюции взаимоотношений власти и общества в современной России в контексте развития политической системы наиболее важными являются такие факторы, которые непосредственно влияют на политические изменения, то есть на внутривластные отношения, на характер политических институтов и в конечном итоге на содержание политики. Поэтому дальше речь пойдет об обществе не как акторе, а как среде, в которой действует единственный сегодня в нашей стране актор — государство. При этом подчеркну, что именно из названной среды, а она может быть разной и по-разному реагировать на действия власти и по-разному эволюционировать, формируются гражданские акторы, прежде всего НПО, благодаря которым в решающей степени и вырастает в итоге гражданское общество.

Нет сомнения, что сегодняшний характер взаимоотношений государства и общества или власти и общества в России — это продукт эволюции, начавшейся после антикоммунистической революции конца 1980-х — начала 1990-х годов. Остановлюсь коротко на характеристике двух аспектов позднесоветского общества, важных для понимания нынешней ситуации.

Во-первых, к концу своего существования это общество стало уже потребительским (начало процесса его формирования связано с реформами Н. Хрущева), но в силу разных причин, и прежде всего длительного тоталитарного прошлого, оно не смогло стать гражданским. Как убедительно показано в работах Ханны Арендт и других авторов, тоталитарное общество, несмотря на, казалось бы, его консолидацию и внешний солидаризм, глубоко атомизировано. В таком обществе все формы солидарности навязываются исключительно сверху. Поэтому его реакция на изменения и на ту политику, которая стала проводиться в период перестройки, не случайно приобрела потребительский характер. Или, как говорят социологи, поведение ак-

тивной части населения в этот период приобрело характер «потребительской революции», имея в виду под этим смену общественной и политической системы ради удовлетворения сугубо потребительских запросов, которые невозможно было удовлетворить в рамках прежней системы.

Во-вторых, после неожиданного, стремительного распада прежней системы в таком обществе появились фактически сразу два разных социальных пространства, благодаря которым возник консенсус между властью и обществом. Одно — социальное пространство новых постсоветских элит, очень скоро ставшее пространством власти, которая еще в период антикоммунистической революции четко осознала свои стратегические цели — захват ресурсов «трофейной» советской экономики и интеграция в глобальную экономику. Второе пространство принадлежало подавляющей части населения позднесоветского общества, оказавшегося в положении человека, брошенного в воду, но не умеющего плавать. В отличие от элит общество своих целей не осознавало. Оно столкнулось с жесткими реалиями: распадом традиционных институтов, социальных структур, привычного образа жизни и привычных ценностей. И поскольку оно было атомизировано, его солидарные гражданские формы конца 80-х годов оказались неустойчивыми. Тем не менее многим казалось тогда, что очень скоро начнется в стране процветание и резко повысится уровень жизни большинства населения. Напомню о выступлении Б. Ельцина в октябре 1991 года на съезде народных депутатов России, посвященного гайдаровской программе реформ, когда он сказал примерно так (если свести его тезисы к одной фразе): несколько месяцев очень тяжелых ис-

пытаний, а затем — невиданный экономический подъем и всеобщее благоденствие...

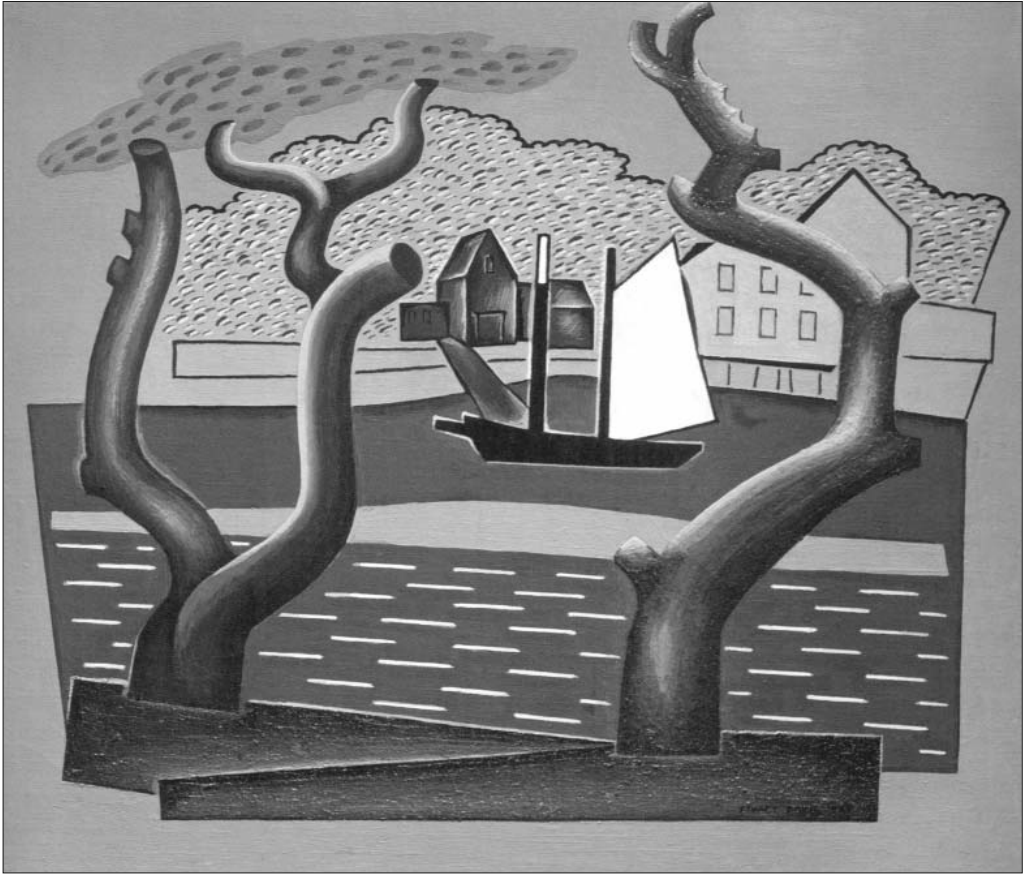
В такой ситуации и возникла форма взаимодействия постсоветской элиты и большей части общества, которую можно охарактеризовать как негативный консенсус. Тогда элите было очень важно в течение короткого периода решить свои задачи — овладеть ресурсами и интегрироваться в глобальный мир. А общество, лишенное ресурсов и не имеющее навыков гражданской жизни и рыночной экономики, вынуждено было приспособливаться к изменившимся условиям. Поэтому названный консенсус может быть выражен формулой: мы не трогаем вас, а вы не вмешивайтесь в наши дела; мы вам не платим зарплату, а вы не платите налоги; мы делим бывшую государственную собственность, а вы делайте, что хотите, — работайте, торгуйте или не работайте. Даже можете криминалом заниматься, только нам не мешайте и в наши высокие дела не вмешивайтесь.

Другими словами, это был своеобразный пакт о ненападении, или общественный договор, но не на принципах позитивного консенсуса о какой-то совместной цели, строительстве общего будущего. Здесь уместно вспомнить, как в 90-е годы понималась свобода на уровне массового сознания. Данные социологических опросов показывают, что от 60 до 70% россиян в это время воспринимало свободу как возможность быть хозяином своей судьбы, то есть не в правовых и не в политических терминах, а в смысле «воли». Что вполне естественно, если иметь в виду, что именно о такой свободе, прежде всего *от* государства, причем не только советского, но и того, которое существовало раньше, мечтали многие поколения подданных Российской империи, а

потом Советского Союза. Именно желание обрести волю влекло когда-то крепостных крестьян от феодального гнета на окраины империи создавать казачьи общины и другие формы самоуправления, которые помогли России в течение 55 лет — за рекордные в истории сроки — пройти огромную северо-восточную часть Евразии от Уральских гор до Тихого океана. То есть фактически эта была форма политического эскапизма, как бы мы сказали сегодня, возродившегося в 90-е годы, когда наблюдался незаметный невооруженным взглядом, но хорошо заметный социологам своеобразный ренессанс традиционных и, казалось бы, уже забытых элементов культуры политического «андерграунда» — старой русской альтернативной политической культуры. В русле этой традиции на вопрос «Какую политическую систему вы считаете наиболее демократической» респонденты отвечали: Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации. Социологи тогда долго думали, почему у людей столь странные оценки, а потом выяснилось, что ответ прост: и в Российской Федерации, и в Соединенных Штатах (хотя в Штатах это не совсем так) граждане напрямую выбирают своего национального лидера, вожда, начальника. Это и есть часть традиции прошлого — альтернативной контркультуры казачьих и прочих независимых крестьянских общин. Мы выбираем себе «атамана», и он владеет нами, как хочет... Надо сказать, что консенсус, основанный на таком понимании свободы, открывал возможность вольного выбора каждому. И мне представляется, что властная элита тогда это хорошо понимала. На самом деле она предложила

обществу то, к чему оно было готово. Оно не было готово к свободе *для*, а хотело получить волю, то есть свободу от каких-то обязательств перед государством, различными социально-профессиональными группами. Оно просто хотело стать хозяином своей судьбы. Разумеется, можно по-разному оценивать этот консенсус. Да, он не создавал условий для осуществления глубоких реформ, но, на мой взгляд, сыграл тем не менее очень позитивную роль в сохранении политической и социальной стабильности в стране. При хроническом дефиците ресурсов он прививал обществу первые навыки автономного поведения, направляя его к тому, чтобы оно становилось автономным игроком. А критической точкой в таких взаимоотношениях общества и власти, после которой в конечном итоге последовала смена консенсуса, стал августовский дефолт, финансовая катастрофа 1998 года, подорвавшая основы личной инициативы и самоорганизации. Поэтому в начале 2000-х годов общество фактически добровольно, без всякого насилия над ним, отказалось от автономности, передав все права на формирование политики государству, которое снова становится ключевым, а затем и единственным социальным и политическим актором. В результате этого начинает складываться новый консенсус, хорошо описанный экспертами Института современного развития, в частности Александром Аузаном. Суть этого консенсуса кратко можно выразить так: общество отказывается от права участвовать в политике, от несанкционированной властью социальной активности, в обмен на то, что государство начинает проводить политику повышения благосостояния*.

* См.: Александр Аузан. *Кризис и дискуссия об общественном договоре. // Общая тетрадь, № 3 (49), 2009. — С. 10–25; Аузан А.А. Три публичные лекции о гражданском обществе. — М.: ОГИ, 2006.*

Стюарт Дэвис. Утренний американский пейзаж. 1925

Условия для формирования этого консенсуса были более чем благоприятные: начался экономический рост, цены на нефть и газ взлетели до невиданных ранее величин, у правительства появились финансовые средства, которых катастрофически не хватало в 90-е годы. И до глобального кризиса 2008 года новый консенсус казался неизблемым. Но как только волны кризиса докатились до России, многие эксперты стали говорить, что правительство будет уже не в состоянии выполнять свои обязательства как раньше. Появились прогнозы, что существующий консенсус скоро рухнет и взаимоотношения между властью и обществом изменятся. Но прошел год, и все осталось по-прежнему. Хотя мож-

но, конечно, рассуждать о том, что кризис еще не закончился, но я думаю, что о некоторых промежуточных итогах в связи с ним тем не менее сказать можно.

В сегодняшних рассуждениях о неизбежной смене консенсуса в условиях кризиса, на мой взгляд, не учитываются два важных фактора. Первый — это сохраняющаяся высокая адаптивность атомизированного общества. Такое общество всегда эластично. Оно достаточно легко приспосабливается к новым условиям. Об этом писали, в частности, несколько лет назад Л. Гудков и Б. Дубин, отмечая, что российское общество не протестует не потому, что оно не хочет жить лучше, а потому что опасается вообще каких-либо перемен.

А это значит, что ему фактически безразличны моральные и политические оценки того, что происходит в стране. Да, какие-то действия власти и какие-то изменения социально-экономической ситуации могут на уровне массового сознания оцениваться по-разному, но это отношение не становится импульсом к реальным переменам в стране, потому что, повторяю еще раз, общество атомизировано еще с тех пор, когда началась история современной постсоветской России. Но, пожалуй, даже не это самое главное.

Главное, что в условиях посткоммунистического развития на уровне индивидуальных стратегий появилось достаточно много успешных людей, что позволило им, дистанцируясь от общего социального и политического контекста, решать собственные проблемы самостоятельно. Это не только класс предпринимателей, которые считают возможным работать в такой среде. Это и успешные, востребованные на рынке менеджеры и специалисты, и представители свободных профессий — частнопрактикующие юристы, адвокаты, журналисты и др., осуществившие свою личную модернизацию без каких-либо форм горизонтального гражданского взаимодействия, которые оказываются, как правило, ими не востребованными. И перед обществом, а не только перед властью встает в этой связи конкретный вопрос: как взаимодействовать с этими людьми?

Если иметь в виду власть — в широком понимании этого слова, — то она, судя по всему, находится перед сложным выбором: между явным стремлением к ужесточению контроля над обществом и одновременно опасением, что такой прессинг может вызвать серьезное недовольство, как показала известная история с автомобилистами. Сталкива-

ясь с успешными акциями протеста, люди во власти, принимающие решения, постепенно начинают понимать, что атомизированное общество, будучи идеальным объектом для манипуляций, — очень важный ресурс для сохранения стабильности политической системы. А наступление на интересы успешных групп населения приводит к тому, что они начинают протестовать и втягивать в такую активность другие группы населения. И даже если у власти, опирающейся на давнюю традицию, есть желание ужесточить и расширить свой контроль, перспектива такого сценария ее останавливает. Повторяю, власть, на мой взгляд, начинает осознавать, что нынешнюю систему в сторону ужесточения изменять все же не стоит, поскольку именно консервативное большинство, которое не хочет никаких перемен, является основой устойчивости и долговременности нынешних порядков.

Следовательно, исходя из этого краткого историко-политического обзора, можно сделать такой вывод: быстрое превращение общества в актора возможно лишь тогда, когда успешные социальные группы и их интересы будут каким-то образом либо ограничены, либо их реализация будет заблокирована. Только в этом случае эти группы начнут коммуницировать друг с другом, создавая различные, не только сетевые, солидаристские структуры. Это будет сопровождаться выдвижением конструктивных общественных требований и формулированием конкретных программ социального действия. Потребуется и соответствующий язык для анализа новых задач и обсуждения проблем гражданского общества, формирования новой политической культуры и создания правового государства.